

(новг. Карт. Новг. ГПИ). Все это, вероятно, из *ob-xъrtъkъ к и.-е. *(s)*ker-* 'резать'.

Слово *ачарѡмки* 'обложка, переплет' (с. 212) представляет исключительный интерес. Оно восходит к *občertъky мн. и может быть сопоставлено с цслав. *чръмъ* 'шатер' < *čertъ*, ср. др.-инд. *cárman-* 'кожа', др.-в.-нем. *scirt*, *scērt* 'защита, заслон' < 'шит, покрытый кожей'. Значение слова *ачарѡмки* может быть реконструировано как 'обтянутый кожей'. При том, что праслав. *čertъ представлено единственным примером из церковнославянского, наличие реликтового белорусского слова имеет большое значение для реконструкции праславянского фонда.

Лекарственное применение *Sedum* с неизбежностью вынуждает нас связать слово *ачитак* (с. 232) с *читый* 'целый, здоровый', 'чистый, трезвый'. Территория распространения слов *читый* и *читавый* в восточнославянских языках достаточно широка. Это белорусские витебские говоры, русские псковские, калужские, воронежские, прибалтийские.

Слово *бруснікі* мн. 'дружки жениха' связывается непосредственно с *брус* 'брусок для точки' (с. 384). Представляется более вероятным связь этого белорусского слова с рус. диал. *бруси́а*, *бруси́я* 'враль, вралиха', чеш. диал. *brusna* 'сплетница', болг. диал. *брус* 'выдумка', словен. *brusna* то же (См. ЭССЯ, 3, 51).

Для анализа белорусского *брѣкаць* 'брезговать' (с. 394) любопытно было бы привлечь русский материал: вологодско-архангельское выражение *в забреку пало* 'показалось обидным, оскорбительным' (Филин, 9, 274). Вариатность *-k/-zg-* подтверждается такими примерами, как *брыкнуць* 'брызнуть' (Сл. Оби Доп. I, 44).

Встречаются в Словаре обидные пропуски и опечатки. На с. 64 отсутствует статья при слове *абшпарыць*; с. 83 — *jednъ na desete* — надо *desěte*; с. 241 *ščediti* — надо *ščediti*; с. 125 *Gnophalium ulginosum* — следует *Gnaphalium uliginosum* и т. д.

В. А. Меркулова

В. И. Георгиев, Й. Заимов, Ст. Илчев, М. Чальков, Й. Иванов, Д. Михайлова. Български етимологичен речник. Св. XV—XVI (*кликър — комплѡт*). София, 1978;

В. И. Георгиев, Ст. Илчев, Й. Иванов, Д. Михайлова, В. Анастасов, У. Дукова, М. Рачева, Т. Тодоров. Български етимологичен речник. Св. XVII—XVIII (*композирам — крепя*). София, 1979

Рецензируемые выпуски представляют собой довольно значительную часть второго тома «Болгарского этимологического словаря» (немногим менее 300 страниц). Весь этот отрезок словаря, т. е. практически огромная часть тома, занят буквой *К*, которая, по всей видимости, займет также часть дальнейшего тома — третьего. Как известно, в славянских этимологических словарях лексика на *К*- начальное — наиболее многочисленная, самая богатая часть словаря. Этимологическая разнородность, а также неясность многих слов на *К* делают этот самый обширный раздел словаря также и самым трудным этимологически. Эта характеристика целиком относится и к рецензируемой части нового болгарского этимологического словаря.

Принципы построения, преимущества, а также и недостатки этого продолжающегося словаря в целом знакомы нашим читателям. К его достоинствам по-прежнему можно не колеблясь отнести богатство собранной лексики (особенно диалектной, с подробным указанием ареала слов), определенный интерес представляют сведения о словообразовательной активности (гнезде), как правило, сообщаемые в словарной статье (ср. хотя бы список производных и сложений в статье *клин*¹ — две страницы мелкой печати); правда, объяснительную силу собственно этимологического анализа такая экстенсивная подача словообразования опутимо не повышает. Авторы, как правило, не упускают возможности привлечь ономастику — как внутри словарных

статей, так и в виде самостоятельных позиций. Здесь читатель нередко может почерпнуть интересную и свежую информацию, в частности о субстратной топонимике, ср. например *Книшава*, название части горного массива Рила и Родоп (с. 498).

Этимологическая часть словарных статей, хотя и представляет в ряде случаев определенный прогресс после словаря С. Младенова 1941 г., все же выполнена несколько бегло. Некоторые проблемы по-прежнему будут дожидаться своего решения либо уже сейчас должны рассматриваться иначе. Возьмем один, но достаточно показательный и крупный пример, в котором как бы сталкиваются два наиболее характерных аспекта болгарской этимологии — собственно славянский и балканский. Это болг. *кѡпиле*, *кѡпеле* 'внебрачный ребенок', (диал.) 'мальчик', 'парень'. По мнению составителей (с. 614), «слово не имеет точно установленной этимологии». Приводится сравнение с сербохорв. *кѡпил*, *кѡпѣле* 'внебрачный ребенок', алб. *kopill*, *korilj* 'подросток, слуга', рум. *copil* 'внебрачный ребенок', тур. *kopil* 'буян, проказник', укр. *кѡпил* 'незаконнорожденный'. Сам подбор соответствий говорит, что слово понимается как заимствование. Еще Миклошич думал, что болг. слово заимствовано из албанского. Бернекер, как и многие другие, считал первоначальным значение 'незаконнорожденный ребенок'. Изошренность существующих этимологий, их многочисленность вместе с их малой эффективностью приводит некоторых к выводу о неясности происхождения слова. Не более убедительны попытки возложить ответственность за возникновение слова на иллиро-фракийский субстрат (Скок) или даже на неиндоевропейский (Оштир); не забыта и балканороманская версия (Шюц); равно как и греческая, и румынская, а также турецкая. И это далеко не полный перечень, см. подробнее, с литературой, на с. 614—615. Репутация балканского происхождения была у этого слова настолько прочной, что никто и не подумал об исконнославянском происхождении. Только Младенов высказал догадку (впрочем, очень отвлеченную), что это слово образовано на славянской почве от и.-е. **(s)kap-* 'создавать'. Ограничение балканским аспектом и сосредоточенность внимания исследователей на значении 'внебрачный ребенок' при проверке, однако, оказывается лишь произвольным выбором, потому что ни указанный ареал, ни данное значение не могут считаться здесь первоначальными. Странно, что здесь не упомянуто рус. *копыл* 'стойка, подпорка', не имеющие ничего общего с балканским ареалом и вместе с тем старое, отраженное в старой восточнославянской топонимии (*Копыл*, *Копыль*, местное название в Минской области, с XIV в., *Копыль*, старое название города Славянска-на-Кубани). Связь русского слова с болгарским несомненна; если в русском значение 'побочный отросток' только угадывается, то в болгарском оно совершенно очевидно, и если существующие этимологии обходят его, тем хуже для этих этимологий. Ср. болг. диал. 'побочный початок кукурузы', особенно *кѡпило* 'отросток кукурузы, который *вырывается*, поскольку в гнезде их несколько' (с. 613 Словаря). Здесь по сути уже содержится *figura etymologica*, которая побуждает нас к простому и реальному объяснению (вопреки Фасмеру и Преображенскому) на славянской почве: **koryulь* 'то, что отсекается' < **kopati*, здесь 'рубить'. В земледелии и садоводстве побочные побеги всегда без колебания отсекались как ненужные и даже вредные; на ребенка, рожденного вне брака, это название было перенесено лишь вторично. Только после этого метонимического переноса началась собственно балканская карьера славянского слова, попавшего и в румынский, и в албанский (но не наоборот!).

О. Н. Трубочев

В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III (S—T'). Л., 1979.

Первые два тома этого словаря давно поступили в научный оборот и являются едва ли не самой заметной публикацией в этимологической пранистике последних десятилетий. К ним прибавился теперь третий том, с выходом которого словарь значительно приблизился к своему завершению. Выдаю-